

ОЛЕГ ДИВОВ

ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

ЭКСМО

НОВЫЙ ДИВОВ

Олег ДИВОВ

Оружие Возмездия

«ЭКСМО»

2007

Дивов О. И.

Оружие Возмездия / О. И. Дивов — «Эксмо», 2007 — (Новый Дивов)

ISBN 978-5-699-20438-0

«Оружие Возмездия» – очень смешная, местами просто издевательская, а местами и трагичная история из армейской жизни. Ничего подобного раньше не печатали: это воспоминания сержанта, служившего в уникальной части. Добро пожаловать в Бригаду Большой Мощности, которая давит все на своем пути и стреляет так, что земля трясется. Автор уверяет: если вы были в Советской Армии, то, прочитав «Оружие Возмездия», лишний раз убедитесь, что служили не зря, а кто не служил, лишний раз порадуеться, что армия обошлась без него. Но и тем, и другим он обещает несколько часов здорового смеха вперемежку со светлой грустью.

ISBN 978-5-699-20438-0

© Дивов О. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ГЛАВА 1	5
ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ	6
ГЛАВА 2	13
НОЧНОЕ ВОЖДЕНИЕ	14
ГЛАВА 3	17
ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ	18
ГЛАВА 4	22
ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дивов Олег Игоревич

Оружие Возмездия

ГЛАВА 1

По лагерю бегал поддатый Минотавр и орал: «Тхя! Тхя! Тхя!». Мимо шли обедать десантники. Минотавр выскочил на них из-за палаток и, глядя поверх голов, рявкнул:

– Тхя!!!

Десантники резко прибавили ходу.

Десантура нас побаивалась. Мы ее еще летом основательно сбили с толку. На каждом полигоне сотня ненормальных самоходчиков изумляла своими дикими выходками целый лагерь, где собиралось полторы тысячи человек – все ракетные войска и артиллерия окружного подчинения. С нами было не соскучиться, и нас было не переплюнуть. Даже когда противотанкисты зачем-то начали стрелять поверх лагеря, адский свист над головой никого не впечатлил. Зато все обсуждали, как самоходчики гонялись на миномете за грузовиком с десантниками, старательно делая вид, что вовсе не хотят его задавить своей тридцатитонной гусеничной дурой.

А теперь наша Бригада Большой Мощности распоясалась окончательно.

Минотавр неспроста озверел. Было так. Вычислитель Саня Вдовин стоял в наряде и отчаянно скучал на посту. Сначала развлекался тем, что затыкал варежкой трубу «буржуйки» в офицерской палатке и слушал, как там внутри кашляют и матерятся. Потом спустил штаны и навалил офицерам под порог здоровенную кучу. Выразил, так сказать, общее мнение о командирах. Полюбовался на свою, извините за выражение, художественную инсталляцию. И вдруг сообразил: его пост в трех метрах от входа в палатку. И если офицерам кто-то нагадил, то либо дневального не было на месте, либо он сам это и сделал. Вдовин счел за лучшее убежать, но тут из палатки наружу полез Минотавр и, конечно, наступил в дерьмо.

Марать руки о бывшего младшего сержанта, которому самолично лычки срезал, Минотавру показалось недостойно. И теперь он носился по лагерю в поисках страшного сержанта Тхя, чтобы тот выбил из Вдовина любовь к авангардному искусству. Тхя благоразумно спрятался.

А еще у нас была с собой атомная бомба.

ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

просто трагедия

Действующие лица и исполнители:

Командир 3-го дивизиона ББМ майор К. в роли Минотавра.

Командир батареи капитан Масякин в роли капитана Масякина.

Старший сержант Тхя в роли страшного сержанта Тхя.

Установка 2С4 «Тюльпан» и КШМ на базе МТ-ЛБу в роли Оружия Возмездия.

Один младший сержант без классной квалификации в роли Автора.

Солдаты и сержанты 3-го самоходно-минометного дивизиона ББМ в ролях второго плана.

Сначала мы нанесли невосполнимые потери в живой силе и технике каким-то итальянским и турецким дивизиям. Противник сбросил на нас 8-й авиадесантный корпус ФРГ, но мы и его раскатали в блины. Немцев били с особым воодушевлением. Потерь с нашей стороны не было, только навалил в штаны прапорщик Козолуп, случайно угодивший под обстрел. И еще сержант Драгой, мудро говоривший про себя «Я не пенек, я низко срубленное дерево», навел миномет точнехонько на НП, где как раз собралось все управление бригады. А миномет у нас такой, что извини-подвинься, фугаска сто тридцать кило весит, и вероятность попадания с первого выстрела 0,5. То есть одно из двух. Замечательный аппарат. Хорошо, капитан Масякин решил проверить, чего там этот пенек Драгой накрутил на прицеле. Масякин потом долго бегал вокруг миномета, выкрикивая разные слова и размахивая сорванной с брони лопатой, а Драгой из-под брюха самоходки пищал: «Товарищ капитан, я больше не буду!».

Еще пушки взорваться пытались на собственном снаряде, но не сумели, а то бы мы с НП увидели, как они по воздуху летят вверх тормашками.

И еще наконец-то наши протаранили десантный ГАЗ-66. Достали-таки! Летом мы просто дурака валяли, когда гонялись за ним на миномете, а тут он сам под кашэмку подставился. КШМ это командно-штабная машина, железная и на гусеницах, очень симпатичная. Она поцарапалась слегка, а у «шишиги» полкузова как не бывало.

Ах, да, еще мы с сержантом Андрецовым по ошибке сожрали кастрюлю офицерской вермишели.

Потом мы сожгли караулку.

Потом еще кое-что сожгли.

Потом я подорвался на банке с протухшей тушенкой.

Слава тебе, Господи, потом мы уехали обратно на зимние квартиры.

Долго мы раскачивались в тот раз, четыре недели на полигоне ничего интересного не происходило, и вдруг ББМ с цепи сорвалась, да за три дня столько натворила – до сих пор вспомнить страшно.

Хотя было кое-что, было и до. Но так, по мелочи.

Ну, скучно показалось одному капитану стоять дежурным по части. Так он ночью пошел и своего комдива подполковника Миронова пришел за белье суровыми нитками к матрасу, а потом крикнул: «Тревога!»... А Миронов с майором Кудиновым, два орденосных «афганца», бегали перед строем, играя в «кто отдавит другу ногу», и чуть не затоптали генерала из штаба округа, который пришел толкнуть нам речь. А вычислитель Саня Вдовин увидел на карте деревню километрах в десяти от полигона, отправился туда искать баб, и по пути

заблудился. Когда через полтора суток он все-таки вышел из леса, генерал перед строем торжественно подарил ему компас.

Еще нас пытались заставить спеть гимн Советского Союза, но оказалось, что я единственный, кто помнит слова. Минотавр нам втолковывал, мучительно пытаюсь удержать равновесие: «Сейчас оркестр... В количестве трех человек... Исполнит гимн Советского Союза. Чтоб все пели, ясно?! Союз нерушимых республик свободный, э-э... ну, и так далее». Первый куплет мы одолели до середины, потом заглохли. Но и оркестр в количестве трех человек (барaban, труба и еще какая-то штука) – сильно выступил. После его видели только с лопатами, он закапывал кашки, щедро разбросанные по периметру лагеря.

А капитан Каверин на той самой кашэмке, что потом таранила ГАЗ-66, дал прикурить десантной «Ноне», маленькой такой хорошенькой самоходочке. Она просто мимо проехала, а Каверин неожиданно возбудился и заорал своему механику: «А ну, заводи! Догоним эту мандавоху и покажем ей, как надо ездить!». Турбиной взвыл, траками лязгнул, поднял столб песка и на два часа пропал. Механик после сказал, они бедную «Нону» совершенно затерроризировали. То у нее перед носом из кустов выпрыгнут, то в кургузую попочку торцом упрутся.

ББМ в совершенстве владеет мастерством давления всего, что высовывается. А кто не высунулся, того догоним и тоже задавим. Когда мы идем на гусеницах от железнодорожной станции до полигона, деревни, лежащие на нашем пути, натурально вымирают. Крестьян заранее предупреждают: едут особенные люди. Очень специальные. Помню, новую технику принимали и гнали ее в часть. Всего-то несколько километров от вокзала до забора. Город Белая Церковь понес материальный ущерб на пятьдесят тысяч рублей советскими деньгами.

Мы элита округа, трам-тарарам. Очень маленькая, но гордая войсковая часть. Всего-то полтора морд, солдат и сержантов поровну, треть офицеров и прапорщиков была в Афганистане. Самое мощное на планете Земля самоходное вооружение. Минометы и пушки с нежными цветочными именами «Тюльпан» и «Пион». После развертывания до полного штата каждый дивизион получает собственное знамя.

У нас в парке техники на зимних квартирах стоит бесхозный танк. Какая-то мелочевка, кажется, Т-55. Танк попал к нам случайно, и мы уже который год не можем от него избавиться.

Загоняли пушку на трейлер, везти в Киев на показ, а она вместе с трейлером перевернулась. Все от хохота чуть не уписались. Знали, конечно, что мы идиоты, но не до такой же степени! Самоходка на боку лежит, трейлер тоже, и у МАЗа, который должен их тащить, половина колес в воздухе болтается. Целый день пушку дергали туда-сюда двумя тягачами. Сорок семь тонн. Жертв и разрушений нет. Ёкарныбабай. Какая прочная и надежная боевая машина. Даже трейлер не помялся.

Собираясь по тревоге, в суматохе и толкучке согнули автомат. Сделали кипятыльник из сапожных подков – вылетели пробки. Один с пушки рухнул так, что комиссовали. Другой запырил себе в глаз краской из пульверизатора, чуть не окривел. Третьего укусила в щеку оса, он схватил углекислотный огнетушитель с температурой струи минус восемьдесят, шархнул по осиному гнезду, осы вылетели, укусили его для симметрии в другую щеку, он уронил на себя огнетушитель и обморозил руку. Двое вернулись из увольнения и заблевали полказармы. Кроме шуток – оба пушечных дивизиона прибежали к нам спать под кровати. Еще один шел бухой через железнодорожные пути, видит, на рельсах пьяный комбат лежит, Анну Каренину изображает. Растолкал, увел с путей, может, жизнь спас офицеру, а комбат его запомнил и назавтра за самоволку вздрючил.

Командир «взвода хранения и обслуживания» решил слазать посмотреть, что творится на крыше бокса, и с лестницы чуть не упал от ужаса: по всей крыше сушилась конопля. Я в новогоднюю ночь сверзился с забора – при парадной форме, с бутылкой самогона и громадной совковой лопатой в руках, – прямо на головы заступающему караулу ракетчиков. А зампотех майор Крот объявил лежачую забастовку: отказался выполнять служебные обязанности, при-

ташил в кабинет солдатскую койку и пообещал в штабе поселиться насмерть, пока ему не улучшат жилищные условия. А один прапорщик, залив глаза, стрельнул из «макарова» в зама по тылу, потому что тот передвинул его в очереди на автомобиль. Прапора услали в отпуск, через месяц он пришел бородатый и еще более пьяный, бегал по штабу, искал зампотыла, не нашел и уволился. Чуть не погиб на боевом посту начальник Особого Отдела майор Рогачкин. Он подсматривал из кустов, как секретчик жжет на помойке обрезки карт. Надеялся потом отыскать уцелевший кусочек и устроить секретчику веселую жизнь. А в помойке валялся оброненный кем-то трассер. Стрельнуло. Рогачкин и секретчик ускакали в разные стороны на четвереньках.

Были, конечно, в нашей гарнизонной жизни и светлые, радостные дни. Вот я веду строй, ребята поют народную артиллерийскую песню «Если близко воробей, мы готовим пушку...». Очень красиво, с раскладкой на все двадцать восемь голосов. Выворачиваем из-за угла, а перед нами – управление бригады в полном составе. Комбриг отзывает меня в сторону и спрашивает:

– Скажите честно сержант, вы что, без этого не можете?! Вот скажите: товарищ полковник, я не могу не вые...ться! Ну скажите!

Я смущенно ковыряю сапогом бетонку. Минотавр, красный до кончиков рогов, показывает мне издали кулак. Полкан выдает свое коронное: «Служба войск несется архискверно!» и уходит. Начальник штаба застраивает офицеров, и начинаются какие-то шумные разборки внутри управления. «Да идите вы на х... товарищ подполковник! – Сами идите на х... товарищ подполковник!». Зам по вооружению покидает строй и действительно – куда-то идет. Черт его знает, куда.

– Сержант! – орет мне начальник штаба. – Если твои люди не перестанут хохотать, я подам вам команду «Кругом»!

Минотавр оглядывается, снова грозит кулачищем, но сам тоже ржет.

Очень вдруг захотелось ругнуться матом. Нет, не буду.

Так вот, про тот зимний полигон 1989-го года. Я караулил ночью у входа в полевой парк, с пустым автоматом на шее. Не полагалось нам патронов. На фиг нам патроны, у нас атомная бомба есть. Она вообще-то мина, но мы ее для солидности бомбой звали. Потом, мина на бомбу похожа, тоже с хвостиком.

Шучу, конечно, патронов не давали – догадываетесь, отчего. ББМ была знаменита на всю Белую Церковь, напичканную войсками, как самая «неуставная» часть. А я служил в самом неуставном дивизионе этой самой неуставной части. И дай мне волю, по молодости не отказался бы кое-кого тихо пристрелить и тихо закопать. Потом все изменилось, наш призыв задушил дедовщину, мучился из-за ее отсутствия (по казарме стало невозможно пройти), но держал марку. Молодые получали в лоб, если отказывались работать. Глумиться и издеваться, бить для собственного удовольствия, заставляя стирать и подшивать свое барахло считалось дурным тоном. Офицеры это знали. А патронов не давали все равно!

Понимая, что не словят пулю, командиры и начальники совались в парк бесстрашно, со всех направлений, дабы вздрючить усталого бойца за сон на посту. Мой комбат капитан Масыкин меня конкретно пас. Пока я ему не устроил «случай в карауле».

Полевой парк – это участок приднепровской степи, обнесенный невысоким заборчиком из колючки. За заборчиком стоит наша техника. На входе шлагбаум и две палатки. В одной храпит дежурный по парку (офицер) с дневальными, в другой начкар (сержант) с караульными. Между палатками хожу кругами я. Вытоптал себе валенками что-то вроде лыжни в промерзшем песке, и вращаюсь. Это единственный способ не спать. Температура минус один, и одежда теплая – зимний танковый комбинезон, я в нем давеча на голой земле дрых. Если присядешь на ящик для чистки сапог, уснешь тут же. Однажды так и задремал. Очнулся уже когда Масыкин отстегивал у моего автомата магазин.

– Спишь, – говорит, – на посту, зараза!

– Нет, – говорю, – просто глубоко задумался.

– Чего-о?

– Товарищ капитан, если бы я и правда заснул, то спросонья от испуга наверняка двинул бы вас прикладом в зубы.

Не знаю, может, у него с ударом по зубам были связаны тягостные воспоминания, но капитан молча отдал мне магазин и ушел, не попрощавшись.

Нет, спать нельзя. Это теперь дело чести, никогда больше в карауле не засну. Хожу кругами. И вдруг нюхом чую: идет Масыкин меня проверять. А я возьми, и спрячься за пушку. Бронтозавра видели? Эта пушка сквозь него проедет и не заметит. Прячься, не хочу. Масыкин приходит и обнаруживает: часового нет. Осчастливленный, капитан рысью несется вперед. Надеюсь застукать меня спящим на броне или вообще со спущенными штанами. И тут я крепко втыкаю Масыкину ствол в почку, и говорю: «Стоять!».

Блин, он ушел из парка еще счастливее, чем был. Расплывшись в блаженной улыбке. Сопровождая капитана до караулки, я громко беседовал с ним о погоде, и когда Масыкин полез внутрь, там уже никто не спал, даже те, кому можно было. Такой подарок офицеру, которого мы всячески третировали за слабость духа, и чьи «Жигули» однажды занесли на руках в глубоководную лужу! А еще я как-то Масыкина обложил в три этажа по-английски, он ничего не понял, обиделся, и пытался отправить меня на гауптвахту.

У меня то ли пятнадцать, то ли уже больше суток «губы» и шесть строгих выговоров. Все за грубость и нетактичное поведение со старшими по званию. Даже разжаловать хотели, но комбриг отсоветовал. Сказал – как вы тогда удержите в узде этого бузотера и антисоветчика?.. Редкий стратег наш полкан.

...И вот, в ту ночь я, как обычно, вращался между двух палаток – то по часовой стрелке, то против. Не потому что боялся проверки, а уже принципиально. Потом ушел в глубь парка – достать из машины «консерву», перед сном подкрепиться. Ключа-«лючника» на привычном месте в пазухе воздухозаборника не оказалось, наверное, водила унес. Лючник точно был у одного из наших. Я повернул обратно и издали увидел: что-то не так с караулкой. Странный отсвет возник на задней стенке палатки. Пару мгновений я не мог поверить своим глазам. Потом откашлялся и заорал:

– ПОЖАР В КАРАУЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ!

И включил секундомер на часах. Говорили мне, что палатка стораает за пятнадцать секунд.

Наша управилась за двенадцать.

«Все случилось так быстро, я рта не успел открыть!» – уверял дежурный по парку капитан Мужецкий. Ну да! Рот он открыл шире некуда. В свете пожарища я прекрасно разглядел страшное черное хайло и круглые остекленевшие глаза над ним. Вот сказать Мужецкий ничего не успел, это точно. Впрочем, ребята и без его мудрого руководства справились. На третьей секунде пожара из караулки ласточкой катапультировался начкар, без сапог, но зато с автоматами в охалке и постовой ведомостью в зубах. На пятой секунде парни уже рвали в стороны пылающий брезентовый полог, чтобы ошметки не провалились внутрь, на одеяла и матрасы.

Жертв не было, только виновник пожара, уснувший у печки, обжег руку и, сдурев от боли, присыпал ожог холодным песком. Ему надавали пинков по толстой заднице и отправили в санчасть. Кличку «Столбняк» он таскал до конца службы.

Через десять минут обстановка у входа в парк была следующая. Представьте себе пепелище, компактное, но убедительное. В центре пепелища – школьная парта, на ней чайник и керосиновая лампа. У парты стоит некто с автоматом, жует крендель и прихлебывает из кружки остывший чаек.

К парку движется сутулая тень начальника штаба бригады.

– Стой, кто идет, – невнятно говорит караульный, продолжая жевать.

Тень безмолвствует.

– Стой, стрелять буду.

– Я тебе стрельну! Я тебе сейчас так стрельну, мать твою! Чего опять натворил?! Разжалую негодяя! Посажу! Ты мне ответишь за поджог!

– Это не я, товарищ подполковник.

– А кто?!..

И так далее в том же духе.

Оценив ситуацию и обложив всех участников шоу последними словами, начальник штаба принял соломоново решение – сделать вид, что тут ничего вообще не стояло никогда. К утру на месте караулки была идеально ровная причесанная граблями площадка, в центре которой торчала обугленная табличка «Караульное помещение в/ч ХХХХХ». За какой-то цинизм мне выпали отдельно.

На завтраке к нам подошли коллеги-минометчики, которые должны были заступать в караул следующими, и поблагодарили за избавление от этого идиотизма. Заметив, правда, что мы могли бы и раньше почесаться с поджогом. На вопрос, чего ж они сами не почесались, раз такие умные, коллеги ответили, что они умные, но, видимо, недостаточно сумасшедшие. Спасибо нам, короче, за подвиг. Тут раздался панический вопль: «Горит палатка четвертого дивизиона!». Коллеги переменились в лице и убежали. Мы, смеясь, продолжили завтрак. Через некоторое время коллеги вернулись, тоже хохоча.

– Ребята, – сказали они, – ошибочка вышла. Это ваша палатка сгорела!

В тот день я понял, отчего Минотавра прозвали Минотавром. Вверенный ему дивизион трусливо убежал от своего командира в лес. Но троих лидеров, прикрывавших отступление, Минотавр поймал, застроил, и орал на нас до пены на губах. «Мне надо вытерпеть еще полгода», – только и сказал потом страшный сержант Тхя, удрученно вздыхая.

Минотавр, когда ему вступало в голову, совершенно не помнил добра. Он запомнил даже, как на той неделе пытался дать залп по чужой цели, а я его остановил. Это был случай из тех, когда сержант громко кричит на майора, а майор потом извиняется. Мы промешкали с залпом полминуты, но избежали позора, да и попали на пять баллов – от нервов, видимо.

Он же меня сам не пустил на огневую и посадил к себе старшим радиотелефонистом. И все, чем мы стреляли, летало теперь над моей головой. Сначала ты слышишь «бух». Потом секунд двадцать молишься всем богам. Потом высоко в небе раздается свист. Ура, ура, можно ничего не бояться. Пусть теперь боятся списанные бэтээры без колес, служащие нам мишенями. Когда фугаска падает рядом, бэтээры летят кувырком. А воронка остается – пару трейлеров похоронить.

И зачем нас угораздило полюбить самоходную артиллерию?! Какого черта мы стоически перенесли «злую дедовщину»? Для чего сделали из разваленного дивизиона боееспособное подразделение с красным вымпелом победителя соцсоревнования? Видимо, только для себя. Чтобы от скуки с ума не сойти.

Я стоял перед заходящимся в крике Минотавром и думал: что он знает о нас? Что может сделать с нами? И, главное, что может нам сказать? Ничего. Ничего. Ничего. Каждый из нас, двадцатилетних оболтусов, лучше Минотавра управлял людьми и тверже держался кодекса чести. Настоящих командиров в дивизионе было четверо: мы, три сержанта, и эксцентричный отморозок капитан Каверин, перед училищем отслуживший срочную. Вот кого дивизион любил и охотно слушался.

Ведь строевой офицер, друзья мои, это, извините за пафос, не звезды на погонах, а достоинство, воля, чувство юмора и умение прощать. Это сложная и вредная профессия, не каждому по плечу.

Минотавр обрушивал на наши головы потоки угроз. Накатила тоска. Еще месяцы и месяцы, бесконечные месяцы этого кошмара впереди. Трудно быть под началом того, кому не доверяешь. Главное, во внеслужебное время Минотавр преображался, становился вменяемым

и приятным в общении человеком. Фу. Воевать с ним было милое дело. Дружить, как я потом узнаю, тоже. А вот тянуть лямку изо дня в день – утомительно.

Отплевавшись, Минотавр разогнал нас работать. Мое задание звучало так: найди людей, найди топор, найди пилу, и чтобы к вечеру были дрова.

Я забрался на развесистую полевую сосну, росшую посреди лагеря, достал губную гармошку и заиграл «Ах, мой милый Августин».

Мимо топали ребята – в оружейку за атомной бомбой. Остановились послушать. Подошел начальник штаба. Он то ли уже забыл, что я негодяй, то ли понял, что без караула бригаде только лучше. В общем, настроение у него было мирное.

– Как дела, Олег? – спросил НШ.

– Замечательно, товарищ подполковник.

– А что это ты там делаешь?

– Дрова рублю.

– Хм...

– Майор К. послал меня рубить дрова. Приказал найти людей, найти пилу, найти топор...

– Понятно, – НШ оглянулся на ребят. – Ну-ка, дуйте отсюда.

Ребята дунули.

– И как ты думаешь жить дальше, Олег? – поинтересовался НШ.

– Наверное еще немного тут посижу, а потом соберусь с духом, все-таки пойду найду людей, одолжу в четвертом дивизионе пилу, украду топор...

– А топор где воровать собираешься?

– В штабе. Его под вашим кунгом¹ прячут. Я потом на место положу, конечно. Не впервой.

– Молодец, – похвалил НШ. – Ладно, отдыхай.

И ушел.

Я не стал искать людей и воровать топор. Я нашел Тхя. Мы пошли на болото и принялись там руками-ногами валить и ломать сухостой, вымещая на нем накопившуюся злобу. «Ко мне все пристают, – жаловался Тхя, одним ударом перерубая толстый ствол, – думают, если я кореец, то должен непременно знать какое-нибудь тэквондо. Я раньше пытался возражать, а потом плюнул, и теперь говорю просто: да, знаю. А когда спрашивают, в какой школе работаю, отвечаю сурово, со значением – в Школе Молодого Тигра!».

Горело сухое дерево великолепно. А сквозь ветхий одинарный брезентовый полог, который мы где-то добыли для палатки, были видны звезды.

В степи матерился бухой замполит.

Назавтра минометные экипажи возились с атомной бомбой, а мы бездельничали на НП. Валялись на броне и смотрели, как двое связистов из батареи управления бегают в противогазах вокруг своей машины.

После обеда меня, как шибко грамотного, включили в комиссию по учету остатков и списанию негодного продовольствия. Тем более, я в этом году разворачивал полевую кухню, да так лихо, что бригада впервые за всю свою историю получила горячий завтрак уже на следующее утро. Жертв, как обычно, не было, только я наглотался солярки, заправляя плиту, а начальник штаба чуть не слопал пулю от АК, которая оказалась у него в каше.

Обнаружили три вздутых банки тушенки. «Просто выкинуть нельзя, – сказал майор Кудинов, возглавлявший комиссию, – вдруг какой-нибудь чурка найдет и сожрет. Пойди эти

¹ КУНГ: «кузов универсальный нормального габарита», он же «кузов универсальный нескораемый герметичный» – металлическая будка, устанавливаемая на самоходном или буксируемом шасси; используется как жилое и служебное помещение в полевых условиях; в специализированных кунгах монтируется оборудование связи и т. п. (здесь и далее примечания автора).

банки поруби». Мне дали топор, я пристроился у колоды возле кухни и две банки покромсал благополучно. Ну не было у меня опыта обращения с протухшей тушенкой!

Третья банка вздулась основательно. Я тюкнул по ней топором. Раздался громкий хлопок. Проходившие мимо солдаты бросились врассыпную. Отвратительно пахнущее розовое мясо образовало купол гарантированного поражения радиусом около трех метров. Максимальный разлет ошметков оценили потом метров в десять. А в эпицентре взрыва стоял ваш покорный слуга – с топором в вытянутой руке.

Сказать, что все надо мной смеялись, значит ничего не сказать. Будь я молодым бойцом, меня бы закопали тут же, дабы не вонял. Но признанная стая «альфа» не теряет лица даже рухнув в дерьмо мордой. И нас ведь было очень мало, так что поработать иногда в охотку руками не считалось зазорным ни для черпака², ни для самого отпетого деда. Поэтому время от времени мы с Тхя бесстрашно падали в мазут, геройски проливали на себя краску и отважно гуляли по свежему цементному раствору. И вообще, трудно засмущать сержантов, которые ездят вокруг казармы на скейтборде, подтираются настоящей туалетной бумагой и умеют завязывать галстук.

Как от меня несло!!! Я почистился снегом, а приятели-повара из столовки вылили на мой комбинезон флакон одеколona «Цветочный», который как раз собирались выпить. К вони тухлого мяса прибавился одуряющий аромат дешевого парфюма. Когда я забрался в палатку, Тхя сказал – да-а, хорошо, у нас полог одинарный и дырявый! Тут явился с претензиями четвертый дивизион. Пилу мы, что ли, у них опять свистнули. Тхя скомандовал: Олег, займись. Олег только высунулся. Коллеги решили отложить разговор на потом и ушли очень быстро.

Минотавр, приняв на грудь по случаю окончания стрельб, вспомнил обо мне и решил поразвлечься воспитательной работой. Не на того напал! Офицеров так перекосило от моего запаха, что я из их палатки убыл, не успев толком прибыть. И на прощанье заткнул им трубу заранее припасенной тряпкой.

Утром мы свернули лагерь и поехали в Белую Церковь. Превращаться обратно из самоходчиков в чернорабочих и заниматься фигней: красить заборы, рыть канавы, ворочать железо.

Но сначала – отстирывать мой комбез.

Кто бы знал тогда, что полкан все-таки уйдет на давно ожидавшееся повышение, и вместо него пришлют комбригом не обычную пьянь, а настоящего алкоголика и психопата. И начнется полный дурдом! Такой, что мы с Минотавром станем лучшими друзьями, и он будет меня защищать, а я его всячески поддерживать! А потом комбриг, в самый разгар проверки нас комиссией округа – исчезнет! Оставит часть! И его будут трое суток искать! И найдут в канаве! И я, стоя дежурным по штабу, увижу, как два генерал-лейтенанта волокут под руки заблеванного подпола в обмоченных штанах!

И один из генералов понимающе кивнет мне, когда я демонстративно заложу руки за спину, чтобы не приветствовать своего комбрига отдаванием чести.

² Здесь и далее обозначения «черпак», «дед», «дембель» и т. п. намеренно даются без кавычек. Это самые распространенные в сухопутных войсках неформальные обозначения призывного состава по срокам службы. Младшие призывы: «череп» – солдат, еще не принявший присягу; «дух» – от присяги до полугода; от полугода до года – «молодой». Старшие призывы: «черпак» отслужил год; «дед» – полтора года; «дембелем» становится дед после опубликования приказа Министра обороны об увольнении его призыва в запас. Известны экзотические обозначения младших призывов – «слоны», «бобры» и т. п., но в БМ была принята стандартная схема.

ГЛАВА 2

Начальник штаба Бригады Большой Мощности подполковник Мамин сидел, тяжело облокотившись о стол, подперев руками подбородок, и очень несчастными глазами смотрел в никуда.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – сказал я, заглядывая в кабинет.

– А, Олег... – слабым голосом отозвался Мамин. – А что это ты тут делаешь?

– Заступаю дежурным по штабу. Вот, хожу, смотрю недостатки.

– И какие у нас недостатки? – спросил Мамин с такой предсмертной интонацией, будто у нас кроме недостатков уже ничего не могло быть.

– Да как обычно. Разбито стекло на лестнице, не горят две лампы в коридоре, сломано электрополотенце в туалете, на двери пятой комнаты нацарапан кривой крестик.

– Пятой? – через силу удивился Мамин. – Это же моя.

Я молча толкнул дверь, чтобы ему было лучше видно.

Мамин разглядывал кривой крестик где-то с минуту.

– Это, наверное, «хуй» хотели написать... – пробормотал он наконец.

И спрятал лицо в ладонях.

НОЧНОЕ ВОЖДЕНИЕ

na de труа

Действующие лица и исполнители:

Командир батареи капитан Каверин в роли дежурного по части

Автор в роли дежурного по штабу

Нечипоренко и Остапец

Сержант, которого я менял, сосредоточенно давил прыщ на носу, стоя перед мутным сортирным зеркалом. Штаб он сдавал такой же, как принял, беспокоиться не о чем.

– У Мамина никто не умер?

– Вроде никто. Кажется, он просто вчера перепил. А чего?

– Мне его жалко.

– А мне нет.

– В том-то и дело, – сказал я. – Никому их не жалко. Ни одна сволочь ими не интересуется.

Как ты думаешь, охота им после этого Родину защищать? Вот нападут на нас турки, итальянцы и восьмой авиадесантный корпус ФРГ...

– Не ссы, не нападут. Слушай, а кто от вас по части заступает?

– Каверин.

– О-па! Будем жить.

Бригада наша «кадрированная», то есть пока войны нет – никакая. Личного состава одна десятая штата. Существует буквально от чужих щедрот. Жилье – первый этаж казармы десантников, штаб – третий этаж штаба ракетчиков. Столовая, баня, почта, магазин, все не свое. Наши только парк техники и склады. «По войне» ББМ должна убраться из Белой Церкви и уже не вернуться. А пока мы очень гордые, но очень маленькие. У нас два подполковника могут, страшно ругаясь, вести территориальный спор – по какой половине идет демаркационная линия между их зонами ответственности. А дежурный офицер сидит прямо в казарме и, естественно, отравляет ночную жизнь старшим призывам. И уж ночью с пятницы на субботу, когда все хотят смотреть телевизор, злой дежурный – сущее наказание.

Капитан Каверин не злой офицер. Он сам придет в расположение смотреть телевизор. Капитану принесут из канцелярии удобный стул. Или вообще койку предоставят с кучей подушек. Но особого шума, гама и шевеления в казарме не будет. Потому что если Каверин вдруг произнесет слово «отбой», все, конечно, удивятся. Но стоит ему это слово повторить, тут же случится отбой. И только бесплотные тени узкого круга избранных будут иногда беспокоить взор дежурного по части. А если Каверину почудится непорядок, и он из дежурки раздраженно гавкнет, тени миглом обретут плоть, и непорядок – бац! бац! ой! спать, военный, урою! – ликвидируют.

Я на своего комбата Масыкина запросто могу повысвить голос. Причем тут же сбежится народ, обступит Масыкина со всех сторон, примется строить зверские рожи и многозначительно дышать капитану в затылок. А с Каверинным, таким же комбатом из нашего дивизиона, цапаться даже как-то странно. Потому что Каверин состоит из сплошных «не». Он не истеричен, не труслив, не цепляется к мелочам, не отдает идиотских приказов, не гнется перед начальством. Он вообще, кажется, не боится никого и ничего. Если тот же Масыкин, выписав себе банку спирта «для протирки оптических осей», покинет территорию части сквозь дыру в заборе, обеими руками прижимая награбленное к животу – Каверин спокойно уйдет через КПП, небрежно помахивая банкой в авоське. И все будут знать: вот идет капитан Каверин,

настоящий артиллерист! Он идет домой пить настоящий артиллерийский спирт! А встретиться ему, допустим, генерал, и вздумай тот генерал отнять у Каверина банку, капитан скажет: отстаньте. Что вы можете со мной, капитаном Кавериним, сделать, меня уже из партии на хрен выгнали. Дальше китайской границы не ушлете (эка невидаль, я там был), меньше батареи не дадите (так я и есть пожизненный комбат), и я еще спасибо вам скажу, потому что здесь у меня шесть (в скобках прописью – шесть!) уродов подчиненных и столько же уродов начальников, это не считая кретина замполита, и надоела такая служба донельзя. Конечно Белая Церковь городок симпатичный, а Украина теплый край, только свет на нем клином не сошелся, поэтому я вам, товарищ генерал, полбанки, так уж и быть, отолью, но на большее не рассчитывайте...

В общем, когда Каверин стоит дежурным по части, главное его не злить – и ночь с пятницы на субботу пройдет замечательно.

Ну, меня это вообще не касается. Я нынче сам себе хозяин. Отпущу помощника баиньки, запроу штаб на швабру, вскрою кабинет замполита, вытащу телевизор и отнесу его на узел связи. Мы там будем со связистом Генкой Шнейдером гонять чай и смотреть программу «Взгляд».

У замполита печать номер 8, у меня номер 88. Я не нарочно, так получилось. А замки вскрывать – армия учит.

Тиха украинская ночь. Происшествий никаких. Каверину поднесли стакан и закусить, потом еще стакан и закусить, казарма блаженствует.

Потом Каверину захотелось добавить.

И началось.

Убыл в самоволку рядовой Нечипоренко из первого дивизиона. Нормально, достойно, как уважающий себя дедушка Советской Армии, вышел через парк, сообщив нашим, что если его будут искать, так он скоро вернется. Оставил на хранение тело рядового Остапца, который тоже очень хотел в самоволку, но переоценил свои возможности.

И тут Каверин в парк звонит. Говорит, есть у меня подозрение, будто кто-то погулять вышел. Было, сознавайтесь? Наши ему: да фигня, Нечипоренко ушел. Сказал, ненадолго. Каверин: нет проблем, только пусть мне сразу звякнет, когда придет.

Понятное дело, Нечипоренко с самогоном явится, и тут уж Каверин своего не упустит.

Но это будет еще не скоро, поэтому Каверин вызывает в дежурку старшину первого дивизиона и устраивает ему разнос – почему люди без спросу в город уходят. Я с вами по-человечески, а вы мне что?..

Ну, первый дивизион ему немедленно откупного – на пульт.

Каверин погружается в эйфорию.

А часом позже в парк нетвердой походкой вступает Нечипоренко.

Наши говорят: тебя Каверин искал, позвони ему.

Шнейдер, который на коммутаторе все разговоры подслушивает, сил не находит протянуть мне второй наушник, только пальцем в него тычет и рожи строит.

– Триста десятый «Солекопа»³ капитан Каверин!

– Здравсте, товарищ капитан!

– Здравствуйте. (*с живым интересом*) А кто это?

– Да я!

– Кто «я»?

– Ну я, Нечипоренко!

– А-а...

Пауза.

– А это триста десятый «Солекопа» капитан Каверин.

– Товарищ капитан, да я это, я!

³ Ничего страшного, это просто позывной ББМ.

– Кто «я»?!

– Рядовой Нечипоренко!

– А-а! Нечипоренко! Здравствуй, дорогой!

– Здравствуйте, товарищ капитан!

– М-да... Нечипоренко. И что?

– Ну, вы сказали, чтобы я позвонил, когда приду.

– Хм. И что?

– Э-э... Вот, я пришел.

Долгая пауза.

– А кто это?

– Э-э... (*неуверенно*) Это рядовой Нечипоренко.

– А это триста десятый «Солекопа» капитан Каверин. Погоди, погоди! Нечипоренко, это ты, что ли?!

– Да! Да! (*радостно*) Это я, товарищ капитан! Нечипоренко!

– Черт побери, Нечипоренко, дорогой, где же ты был?! Я тебя очень давно жду! Иди скорее ко мне сюда!

– Да-да, товарищ капитан, мы уже идем!

Пауза.

– (*опасливо*) Кто «мы»?

– Ну... Я и Остапец.

– А кто это?

– Остапец?! Ну... Ну, Остапец... это Остапец!

– Да нет, кто со мной говорит?

– Рядовой Нечипоренко!

– А-а...

Пауза.

– Триста десятый «Солекопа» капитан Каверин!

Дальше мы не слушали. Сил не хватило.

Чтобы преодолеть неполных пятьсот метров от парка до казармы, рядовым Нечипоренко и Остапцу понадобился час, потому что Остапец то и дело падал, а Нечипоренко укладывался на травку отдохнуть. Наконец они ввалились в дежурку, растолкали спящего Каверина и доложили, что пришли. Нечипоренко даже отдал капитану честь, для чего отпустил Остапца, и тот снова упал.

Каверин их не узнал, особенно Нечипоренко, посоветовал уйти отсюда на хер к такой-то матери и перевернулся на другой бок.

Нечипоренко был глубоко озадачен. Он попытался совершить второй подход к телу капитана, но тут помощник дежурного сунул ему в руки опасно булькающего Остапца и указал на дверь.

Светало.

Потом эту историю рассказали капитану Мужецкому, лежавшему в ту ночь дежурным по парку. Собственно, прямо над его ухом происходил исторический телефонный брифинг, а на соседнем топчане валялся пьяный Остапец.

Мужецкий попросил его не разыгрывать.

ГЛАВА 3

Первая шеренга, два шага вперед, снять правый сапог, предъявить наличие портянки!

Всем привинтить значки член ВЛКСМ!

И где вы дели эту штуку, которая на ремне?

По Уставу пилотка должна выглядеть так, чтобы вот эти внутренние губки – гы-гы-гы! – торчали наружу!

Ускорить готовность!

Вы мне объясните: как может комсомолец вытирать жопу полным собранием сочинений Ленина?!

Ходоровский, чмо болотное, кто вам сказал, что вы еврей, забудьте об этом, вы позор самоходной артиллерии – ГДЕ ПУГОВИЦА, Я ТЕБЯ СПРАШИВАЮ?!

А номер военного билета должен быть у вас на всём!

Почему этот нахал разгуливает в параллельных брюках?

Не вижу службы войск, не вижу совершенно!

Содержимое карманов – к осмотру!

Ах, у вас перья из задницы повыврастали?!

Ладно, сержант, вот переживем эту проверку, и вы мне за всё ответите!

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

любительская порнография

сержанты и солдаты ББМ в разных непотребных ролях

Есть такой анекдот. «Как победить Советскую Армию? Ни в коем случае не нападать внезапно. Надо ей объявить войну за месяц. И она сама затрахаёт себя подготовкой». О, да. Ничто так не подрывает боеспособность войск, как плановая проверка этой самой боеспособности.

Ответная реакция войск на приближающееся несчастье всегда одна и та же. Сначала яростные поиски тех, кто хоть что-то знает и может объяснить другим. Затем повальный инструктаж и тренаж. Тотальный контроль наличия всего. Бирки, таблички, номера по трафарету. Памятки и планы. Сержантские книжки. И стенгазета! И боевой листок! И строевая песня!..

– На ящиках для угля должна быть надпись «УГОЛЬ». Значит, найди краску, найди кисть, сделай из чего-нибудь трафарет... Если не найдешь краску, найди гудрона, тоже пойдет. Только сначала найди сержанта Тхя и скажи ему, чтобы нашел лопаты и послал людей стесать траву, которая торчит из щелей в бетонке перед боксом... Тхя уже ищет гудрон? Зачем?! Не надо. Ты ищи гудрон. Если не найдешь краску. А Тхя пусть ищет лопаты. Нет, те лопаты, которые на машинах, брать нельзя, они только что покрашены. Вы прямо как дети малые, всему вас приходится учить... В общем, я на тебя надеюсь!

– А где эти ящики для угля?

– Убью!!!

«Внимание! Завтра, совершенно внезапно, в полшестого утра, будет объявлена тревога. Поэтому, товарищи сержанты, подготовьте личный состав и его оружие. Магазины разложите по подсумкам. А автомат, штык-нож и подсумок надо сцепить ремнем, чтобы в одно движение выдернуть из пирамиды всю эту херню. Вещмешок должен у каждого лежать под кроватью. Во избежание давки на выходе советую третьему и четвертому дивизиону покидать казарму через окна»

И покидали. И неслись тяжелым галопом в парк техники, снося все на своем пути. Бежали через территорию ракетчиков, у которых были железные ворота, центнера два весом, запертые на амбарный замок. И мы хватали эти ворота, срывали с петель и швыряли наземь. За что ракетчики нас, конечно, очень любили. А мы бежали, пыхтя и задыхаясь, подтягивая отставших, принимая на руки подвернувших ногу, героически бежали... Дабы оседлать свою верную технику, выгнать ее из боксов, и... и... Спать на броне полчаса минимум! Потому что офицеры все равно не добирались до парка раньше!

Неделя до выхода на полигон. Пятеро сержантов на фоне миномета. Никто не хочет им командовать. Особенно те, кому скоро на дембель. Из миномета можно не туда попасть. Еще им можно кого-нибудь задавить – в том числе себя, – даже стоя на ровном месте. Оно нам надо?

Механик торчит из своего люка и радостно скалит зубы, с него взятки гладки. Капитан Масякин расхаживает перед строем, пытаясь хотя бы внешне хранить спокойствие. Он уже понял, что никто из присутствующих ничего не умеет, не может и не будет. Опять. Как и полгода назад. Придется волевым решением назначать крайнего.

– Слушай, Верчич, ты же на прошлом полигоне отлично справлялся с машиной. Что значит – забыл? Как ты мог все забыть?

– Ну не помню я, тарщ ктан. Пусть вон Вася... То есть сержант Голиней командует. А я оператором буду. А?

- Вася молодой еще.
- Вот пусть и командует, опыта набирается.
- А ты, значит, будешь нажимать кнопки и ни за что не отвечать? Сволочи. Вы не минометчики, вы сволочи, ясно? Ладно, Верчич, я тебе это припомню. Сержант Голиней, лезь на башню. Назначаю тебя командиром расчета.
- Това-арищ капита-ан...
- Лезь, кому говорю! Верчич, подсказывай ему, если что.
- Угу! Спасибо, тарщ ктан.
- Вторая, стой! Машину в боевое положение... Развернуть! Вжжжж... Бум! Вжжжж... Бум! Хрясь! Дзынь! Хлоп!
- Не лезет.
- Спокойно, ребята, спокойно. Назад откинули! Воткнули. Хрясь! Дзынь! Блям!
- Сука! Не лезет!
- Ты в бабу тоже с двух раз не попадаешь?
- Разговорчики!
- Хрясь! Дзынь! Бац!
- Есть! Прицел сюда! Ушли с брони! Тарщ ктан, машина в боевое положение переведена.
- И ведь какой-то инженер, сука, за этот узел премию получил. Это, блядь, диверсия, а не узел.
- Разгово-ор-чи-ки... Ты не суетись, когда втыкаешь. Ты прицелься и спокойно воткни.
- Вторая, стой! В походное... Свернуть!
- Бух-бух-бух! Дзынь! Блям! Хрясь! Вжжжжж... Бац!
- Ой!
- РУКИ!!! РУКИ НА ХЕР!!!
- Ты что, военный, совсем дурак?!
- Бац! (это уже по шее).
- Стопор! Крути! Накладку! Есть!
- Чехол будем, тарщ ктан?!..
- Не будем. Ну его. Верчич, ты не улыбайся так, когда другие бегают.
- Да уж я набегался за два года, тарщ ктан.
- Ушли с брони! Тарщ ктан, машина в походное положение переведена. Ну что, укладываемся в норматив?
- Хм... В общем, да. Вторая, стой!
- Това-арищ капита-ан...
- Машину в боевое...
- Ы-ы-ы... У-у-у...
- Развернуть!
- И так до посинения.
- За пять дней до зимних учений Минотавр вдруг говорит, что на миномет я не пойду. Не хрена мне там делать. А пойду я старшим радиотелефонистом на его, Минотавра, машину. Потому что кроме Тхя и меня в таком деликатном вопросе надеяться не на кого. Но Тхя сядет на свое штатное место, за дальномер. Короче – я с рацией умею обращаться?
- Товарищ майор, вы же знаете, я кроме автомата и пишущей машинки ни с чем не умею по-настоящему обращаться. Так, в самых общих чертах...
- М-да? А кто миномет покрасил?
- Одну гусеницу?
- Хм. Ну, найди кого-нибудь, пусть тебя научат.
- Я нашел кого-нибудь, и меня научили.

Мы учиться-то любили. Минометом шевелить, конечно, утомительно, а все веселее, чем лопатой махать. При наличии доброй воли и толики мозгов азы любой армейской специальности осваиваются даже не быстро, а очень быстро. Но дальше надо бойца много и упорно тренировать. Дрессировать. Погружать в профессию. Иначе он будет не боец, а пушечное мясо для агрессивного блока НАТО. И вот с регулярной дрессировкой в ББМ были проблемы. Потому что мы постоянно заняты – то копаем, то закапываем, то строим, то ломаем. Да-да, и ломаем тоже. Когда я только пришел в часть, веселый дед сержант Верчич уничтожал пулеулавливатель. Я не мог понять, зачем эту кирпичную штуку, предназначенную для безопасного разряжания автоматов караула, разносят в пыль кувалдами. А Верчич мне говорит: «Ты заметил, что в ББМ караула нет? Он когда-то был, а потом молодые начали по всей армии отстреливать дедов – и начальство наше пересрало. Теперь полкан решил, надо сделать вид, что караула вообще не было. Чтобы не заставили его снова ввести. Мы еще и караулку сломаем, если прикажут. Это правильно, а то вдруг какой-нибудь мудака вроде тебя решит нас из автомата покрошить».

В одном Верчич ошибался. Доведенные до отчаяния молодые не «начали отстрел дедов». Просто информация об убийствах стала доступнее – и для офицерства в том числе. А то, знаете ли, есть такое мнение, что в СССР самолеты не падали, и не «размораживались» зимой целые города. И «демографической ямы» у нас не было, и страна не сидела на «нефтяной игле». Это все устроили алкаш Ельцин и жирный уродец Гайдар на деньги американских сионистов... Ой, простите, снесло меня куда-то боковым ветром.

Я сначала поражаюсь таким откровенно детским решениям – «сделать вид, будто ничего не было». Еще меня шокировала распространенность приема «мы вас ничем не обеспечим, но вы сделайте что приказано». Но в Вооруженных Силах СССР все это прекрасно срабатывало! Теперь помножьте такой детский сад на разболтанность вертикальных и горизонтальных связей – и вы получите войско, которого вполне обоснованно боялась Европа.

Это войско само себя побаивалось. Знало, за что.

Вот, поехали мы на ночные стрельбы из личного оружия. Была у нас пара автоматов с рамкой для крепления ночного прицела. Стволы пристреляли, бойцов подучили обращаться с инфракрасной оптикой. А насчет собственно попадания в мишень сказали, что делать ничего не надо – только лови цель на фиговинку в визире, дальше автомат без тебя справится. Мы радостно залезли в грузовик, поехали на стрельбище и долго там валялись в траве, ожидая, пока стемнеет. Минотавр со стрельбищенской администрацией поддал, и все было замечательно.

Пока не выяснилось, что все ужасно. Потому что стрелять мы должны не с ночным прицелом, а с фосфорной насадкой на мушку. Которой, разумеется, нет, и даже никто не знает, как она выглядит. А оценку за эту стрельбу нам поставят либо сегодня, либо два балла.

И мы снова обрадовались, ведь еще не стемнело до такой степени, когда землю от неба не отличишь. Значит, можно задрать ствол, кое-как поймать мушку в прорезь на темно-синем фоне, зафиксировать автомат в таком положении, медленно его опустить в темноту... А мишень слегка подсвечивается. Короче, жми мягко, и оружие само куда надо попадет.

Все попали – и в третий раз обрадовались.

Ну просто какой-то праздник, который всегда с тобой.

А могли бы рвать тельняшки и орать: «Нас предали! Судью на мыло!»

Но, как следует из Устава, мы обязаны были «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы». Нигде в Уставе не написано, что идиотизм и головотяпство к тяготам и лишениям не относятся. Скорее наоборот, это подразумевается. Ну, и мы их – стойко. С огоньком и юным задором.

По сравнению с ПППЛС нам многое казалось мёдом.

Специфика «кадрированной» войсковой части. Она живет в ожидании войны. И когда война приходит, часть снимается с места и скрывается в лесах. Там она разворачивает Передвижной Пункт Приема Личного Состава – и сидит, пока Личный Состав ее не достигнет. Теперь представьте, какое это сомнительное удовольствие: полтора человека должны принять, обиходить, накормить, одеть, вооружить и слегка потренировать тысячу пятьсот! А если зимой?!

Обычно ББМ только имитировала боевое развертывание. То есть она срывалась (всегда совершенно внезапно, в полшестого утра) по тревоге. Выгоняла машины из боксов. Дожидалась офицеров. Потом загоняла технику обратно, завтракала, цепляла заранее нагруженные прицепы к грузовикам и катила в лес, где ставила палатки и размещалась в них с умным видом, якобы ожидая пополнения. Сразу оговорюсь, стопроцентной показухой это не было. На каждом ящике для угля красовалась надпись «УГОЛЬ», и все «буржуйки» поддавались растопке.

Первый раз я разворачивал этот кошмар, слава богу, летом. У нас тогда еще были допотопные палатки с тяжеленным дерматиновым пологом, дубеющим на холоде. И мы радовались – опять-таки радовались! – что тепло. А через полгода мы очень радовались, что возимся при минус десяти с новыми легонькими брезентовыми палатками, а сами упакованы в чудесную зимнюю форму на ватной подстежке.

Деды вздыхали и жаловались, что не застали легендарное «полное развертывание», случившееся парой лет раньше. Тогда ББМ действительно вышла в «запасной район» нешуточно, целиком и полностью. Пёрла на себе всё, вплоть до матрасов и столовых ложек. И когда бригада честно сделала, что от нее требовалось, то легла вповалку. Но отлежавшись, она все-таки приняла своих «партизан» – приписной состав, дядек в возрасте до сорока пяти, которые решили, что если уж их оторвали от мирной жизни и заставили играть в войну, так играть надо весело.

Говорят, слегка протрезвев, офицеры собирали разбросанные по кустам автоматы.

Сожалею, что не присутствовал при сей виктории хотя бы мичманом. Да, это была, если верить легендам, полная задница. Тогда побили машины, попортили немало оборудования, и кто-то что-то себе сломал. Все страшно устали, обратно из леса бригада едва ползла. Но мы, честное слово, мечтали, чтобы такое безобразие пришлось и на нашу долю. Черт с ним, с «партизанским» самогоном – выпивки у нас хватало. Просто хотелось поучаствовать в том, для чего ББМ была действительно предназначена. Мы подозревали, что справимся, но – насколько хорошо?

Чтобы было взаправду. Самомнение бригады очень страдало от того, что мы выгоняли на полигон всего лишь по четыре пушки и миномета с условно боеспособными экипажами. А я помню, как вообще по одной машине стреляло от каждого дивизиона ББМ. Оно, конечно, давало копоты, а иногда еще давало шороху – и даже просрать кое-кому давало! – и вокруг крутилась целая стая наших кашээмок. Но все понимали, какая это жалкая пародия на реальную стрельбу. Такую бешеную, когда уже и своих не боишься, не то, что чужих.

А пока мы привинчивали «значки член ВЛКСМ», предъявляли наличие портянки и демонстрировали знание строевых приемов с оружием и без. Начищенные и отглаженные, мы маршировали и пели. Бежали кроссы и штурмовали полосу препятствий. Докладывали скороговоркой про миномет 2Б8 и самоходную базу СУ-100П. Дурили проверяющих как могли. И втайне надеялись однажды всем предъявить (и себе доказать в первую очередь) свою фантастическую крутизну.

Но даже та наша пушка, которую возили в Киев на показ – ну, помните, она еще с трейлера на вернула, – до места не доехала.

На полпути отбросил копыта тягач.

ГЛАВА 4

- Пойди клиренс принеси! – скомандовал Вася. – Он там, за минометом валяется. Я замешкался.
 - Клиренс, – повторил Вася. – Принеси. Ну?!
 - Извини, – сказал я, – везде свои порядки. Понятия не имею, что здесь называют клиренсом.
 - А по-твоему что такое клиренс? – прищурился Вася.
 - Расстояние от нижней точки машины до земли.
 - Образованный, сука, – заключил Вася.
- И дал мне пендаля.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

трактат о сакральных артиллерийских приборах, секретных самоходных механизмах, тайных баллистических сущностях и поражающих воображение методах овладения ими, творчески переосмысленных бесстрашными солдатами и отважными сержантами Бригады Большой Мощности

Справедливости ради надо сказать, что с сержантом Васей Голинеем мы позже стали не разлей вода друзья, и многими знаниями по военной специальности я обязан именно ему. Хотя смысл ряда приборов был недоступен и Васе. «А хрен его знает, для чего эта хреновина, – говорил сержант в таком случае. И добавлял: – Думаешь, они сами знают? Да хрен там! Вот пойди, спроси у них. Потом мне расскажешь».

«Они» – это были те, кому положено знать.

В результате я так и не смог уяснить, зачем бывает теодолит. Отчего-то наши топогеодезисты окутали этот прибор завесой тайны. Про гирокомпас и курсопрокладчик они мне всякого наобъясняли, а как дойдет до теодолита – вдруг у них глаза мутнеют и голос садится.

Даже умница Тхя относился к теодолиту словно закоренелый язычник к самому уважаемому идолу.

– О-о... – рассказывал он мне про теодолит. – Это у-у...

Сакральный какой-то прибор. Когда солнце в зените, можно залезть под его треногу, усесться по-турецки, и макушка спрячется в тень. Сам видел. Может, он для этого?

Гирокомпас нужен чтобы уйти в радиомолчание. Потому что когда он крутится, ничего нельзя делать – чуткий очень инструмент. Даже ходить по броне, и то нельзя. Только спать можно. Далеко от рации, естественно. Если пропал экипаж на топосъемке, значит точно, когда отзовутся, то сонным голосом объяснят: не могли разговаривать, запускали гирокомпас.

А курсопрокладчик это умнейшая машина, которая иногда с непутевыми артиллеристами играет злые шутки. Функция его такая: ты едешь, а он за тобой записывает. Рисует на карте. Вот так катались наши по Германии, делом занимались, снимали какие-то пути куда-то, потом завернули в пивную, а курсопрокладчик выключить забыли. Ну, он соответствующую загогулину на карте и изобразил. Начальство было в восхищении – надо же, сами на себя донос настроили!

А есть еще железный ящик под названием ПУО, сиречь Прибор Управления Огнем. Это чтобы вычислителям жизнь медом не казалась. Как они заартачатся, сразу ПУО в руки – и вон из машины, на броню, на свежий морозный воздух. Да он и летом не подарок, этот ПУО, недаром к нему ремни присобачены для переноски на спине.

И не спрашивайте меня, что такое «метеосредний».

А если на лазерный дальномер навинтить линзу-усилитель и замерить расстояние до сидящей на заборе вороны – кранты вороне.

Он так делает – вжжжжж! – лазерный дальномер. И кранты.

Полезный продукт высоких технологий.

А в командно-штабной машине система омывателя лобовых стекол на десять литров, которой все равно никто не пользуется, потому что ездим мы «по-походному», когда механик из люка торчит, и значит, в этой системе можно такое забодяжить – у-у-у!!!

А сколько консервов, сигарет, конфет, самогона удастся в кашээмке спрятать – о-о-о!!!

Не сердитесь на солдата, он воет как умеет.

Когда американцы кладут свои продвинутые высокоточные бомбы куда попало, а то и себе на голову, я не удивляюсь. «Потери от дружественного огня» самая большая тема для военных всего мира. И самая засекреченная, пожалуй. А чего вы хотите: если у нас на учениях случались иногда чистые аномалии, то на реальной войне просто должен твориться реальный же бардак.

Докажите обратное ребятам из бригады, где один и тот же экипаж пушкарей дважды пытался подорваться на собственном снаряде. Один раз традиционным способом, второй – в извращенной форме.

Или вот случай типа «оно само приползло». Сидим на НП, никого не трогаем, передаем целеуказания. Все идет по плану. Мы своим: цель сто вторая, пехота укрытая, внакладку подавить, огонь! Они: рады стараться, бух! Над нами: фррррр! Мы: слава богу, пронесло... Спереди: хлопбьсь!!! Минотавр: надо же, опять попали, бывает же такое, господабогадущу-мать!!!.. Короче, нормальная работа артиллерии большой мощности. И вдруг на нашей основной частоте возникает какой-то «Днепр», отважно штурмующий высоту сто пять и пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.